

3. Кропотов В. С. Военные традиции крымских караимов / В. С. Кропотов. – Симферополь : Доля, 2004. – 148 с.
4. Полканов Ю. А. Караи-крымские караимы-тюрки : история, этнография, культура / Ю. А. Полканов. – Симферополь, 1997. – 150 с.
5. Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология / К. М. Мусаев. – М. : Наука, 1964. – 344 с.
6. Баскаков Н. А. Тюркские языки / Н. А. Баскаков. – 3-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 248 с.
7. Караимская народная энциклопедия / М. С. Сарач, А. И. Баккал, М. М. Казас и др. – М., 1995. – Т. 1. – 243 с.
8. Самойлович А. О материалах В. Радлова по народной словесности крымских татар и караимов / А. Самойлович // Записки крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь : Тип. Таврического Губернского земства, 1917. – Т. 6. – С. 118-124.
9. Филоненко В. И. Народы Крыма и их изучение / В. И. Филоненко // Сборник, посвященный 40-летию научно-литературной деятельности Лункевича В. В., 1890-1930. – Симферополь : Крымский пед. ин-т, 1930. – С. 121-128.
10. Мусаева У. К. Подвижники крымский этнографии 1921-1941 : историографические очерки / У. К. Мусаева. – Симферополь : Таврия, 2004. – 214 с.
11. Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен / В. Радлов. – СПб. : Изд-во Акад. Наук, 189. – Ч. 7 : Наречия крымского полуострова. – 410 с.
12. Шапшал С. М. Краткий очерк тюрко-караимской литературы / С. М. Шапшал // Известия Караимского Духовного Правления. – 1918. – № 2. – декабрь. – С. 13-17.
13. Zajaczkowski Ananjasz. Wrozyby z dragania części ciała / Ananjasz Zajaczkowski // Mysl karaimska. – Wilno, 1929. – Т. II. – zeszt I. – S. 23-31.
14. Райан В. Ф. Баян в полночь : Исторический обзор магии и гаданий в России / В. Ф. Райан; [пер. с англ.]. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 720 с.
15. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2005. – 332 с.
16. Къырымтатар халкъ масаллары / собр.: К. Джаманаклы, А.Усеинов. – Симферополь : КъДжН, 2008. – 384 с.
17. Народная поэзия Азербайджана / вступ. ст. и сост. А. П. Векилова. – Л. : Советский писатель, 1978. – 447 с.
18. Реби Д. И. Письменное наследие крымчаков / Д. И. Реби. – Симферополь : Доля, 2010. – 344с.
19. Богославская Т. Талисман из Кале : [Электронный ресурс] / Т. Богославская. – Режим доступа : <http://karai.crimea.ua/249-talisman-iz-kale.html>
20. Петров-Дубинский О. В. С. М. Шапшал (Эдиб-Ус-Султан) – учитель валиахда Мохаммеда Али, генерал-адъютант Мохаммед-Али-шаха / О. В. Петров-Дубинский // Святые и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов-караев : материалы науч.-практ. конф. – Симферополь : Доля, 2008 – С. 162-183.
21. Медведева Л. Я. Литературное наследие караимского поэта И. И. Эрака / Л. Я. Медведева // Сов. тюркология. – 1977. – № 2. – С. 42-46.

Курмакаева Н.П.

УДК 81'373.612.2

БЕЗЛИЧНОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Как известно, XX век в языкознании ознаменовался поворотом к проблеме «человек в языке», в связи с чем у физиков был заимствован и удачно введен в лингвистический оборот термин «картина мира», получивший интерпретацию: «субъективный образ объективной реальности» [1, с. 21]. С того времени проводят различие между концептуальной (ККМ) и языковой (ЯКМ) картинами мира. Первая – продукт отражательной способности мышления, вторая отображает этот результат средствами языка в процессе коммуникативной деятельности человека. ЯКМ призвана выполнять две функции: означивать элементы ККМ и эксплицировать ее средствами языка. Принято считать, что ККМ богаче ЯКМ. Однако о неравнообъемности феноменов ККМ и ЯКМ в пользу последней свидетельствует наличие в русском языке богатейшего арсенала безличных предложений (БП), построенных по принципу «асимметричного дуализма» (С.Карцевский), тогда как научная, логическая модель мира предпочитает им двусоставную конструкцию с симметричными отношениями «субъект – предикат». Данное противоречие лежит в основании не прекращающихся дискуссий о сущности и границах категории безличности (КБ) в языке. Из научных источников известны прямо противоположные мнения: от признания возрастающего количества безличных предложений (БП) по направлению к современности (А.А.Потебня, А.М.Пешковский, Т.П.Ломтев, И.П.Распопов и др.) до сведения их к замкнутой группе *impersonalia meteorologica* (Г.А.Золотова, Л.А. Бирюлин).

Новейшие исследования доказывают, что проблема актуализируется в связи с потребностью уточнения статуса, объема и «конфигурации» БП в ЯКМ с одновременной систематизацией категориальных характеристик в метаязыке лингвистики (Г.А.Золотова [2], В.В.Бабайцева [3], М.В. Захарова [4], А.Вежицкая [5], З.К.Тарланов [6], В.В.Лушай [7], Дручинина [8] и др.).

Цель нашего исследования – вскрыть сущностную основу КБ, уточнить ряд параметров феномена в проекции на русскую языковую картину мира.

В связи с обострившимся в последние годы интересом ученых к национально-культурной специфике языка КБ и ее составляющие рассматриваются в ряде современных публикаций в контексте этнического мировосприятия как уникальная особенность русского ментального восприятия и языкового выражения картины мира (Т.В. Булыгина, А.Вежицкая, М.В. Захарова, З.К.Тарланов и др.). Так, наблюдения над русскими БП дали повод А. Вежицкой сделать следующее обобщение: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению» [выделено нами. – Н.К.] [5, с. 76]. Иначе говоря, онтологическую основу русских безличных предложений А.Вежицкая выводит из менталитета русского этноса – из присущих якобы ему пассивности, бессилия, неспособности постигать и контролировать события и собственные эмоции, а также управлять ими.

Однако мы помним, что еще Ф.И.Буслаев отмечал: «Замена личного оборота безличным составляет одну из особенностей нашего языка. Мы обращаемся к безличной форме даже тогда, когда нельзя миновать лица действующего, которое и обозначается тогда различными косвенными падежами, заменившими первоначальный именительный падеж подлежащего» [9, с. 384]. Тема нашла отражение в трудах А.А.Потебни, А.А.Шахматова, А.М.Пешковского, В.В.Виноградова, Т.П.Ломтева и др. классиков русского языкознания. Однако А.А.Потебня, хотя и связывал появление наиболее древних разновидностей БП с мифологическим первобытным мышлением человека, все же развитие категории БП выводил из синтаксических (грамматических) преобразований [10, с. 317- 380], а не из психологии этноса. Теперь уже кажется неоспоримым утверждение, что даже «собственно-безличные глаголы – это не осколки, не следы первобытного примитивного мышления, а продукт высокоразвитой языковой системы с расчлененным выражением деятеля и действия, что отражается в самом грамматическом факте лица глагола. Категория же безличности немалыми без категории лица» [11, с. 63]. А поскольку категория лица в русском языке хорошо развита, то и категория личности / безличности получила зримые очертания, приобретает статус национально-культурного языкового достояния. Очевидно, что выбор личной или безличной конструкции находится в области языковой компетенции говорящего, а не в области его психологии. Расширение поля безличности связывается не с процессом закрепления в языке этноса каких-то психологических или идеологических наслоений, а с процессом интеллектуализации языка и особенностями логико-грамматического мышления. Эту особенность тонко уловил А.М.Пешковский, комментируя предложение «*Вы раздвинете мокрый куст – вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи*», где, по его словам, «особенно рельефно выступает внутренняя сторона безличности, безличность как категория грамматического мышления» (выделено авт. [12, с. 321]). Ученый отмечает, что БП «знаменуют собой первое зарождение критической мысли, первую попытку критически разобраться в окружающем» [там же, с.318].

Созвучные мысли находим у З.Тарланова, высказанные в дискуссии с А.Вежицкой. Он говорит о БП как факторе «объективирования заключенного в предложении содержания», «абсолютизации предиката» [6, с. 71] с целью обогащения и нюансирования национальной ЯКМ, а также повышения престижа языка, способного своими высокоразвитыми средствами передавать малейшие оттенки окружающего мира и внутреннего состояния человека. В том числе и те, которые «объективно не зависят от воли человека, существуют вне компетенции человеческих возможностей» [там же, с. 70]. Сравним «личное» и «безличное» оформление неких ситуаций действительности: 1) *И опять хочется настоящей любви, такой, какая мечтается* (Н.Лесков) - *Разве об этом мечталось синеглазой волчице?* (Ч.Айтматов); 2) *Сон клонил [Ростова] непреодолимо* (Л.Толстой) - *Клонит в сон старика* (В.Белов). Подобных корреляций множество.

Филиация базовой номинативно-глагольной модели предложения в сторону абсолютизации предиката (на структурном уровне это выглядит так: $N1 - Vf \rightarrow Vf3s$), завершившаяся закрытием позиции подлежащего $N1$, сопровождается семантическим наполнением сформировавшейся модели <тогда-то там-то (тому-то, с тем-то) таково делается, происходит>. Этот результат возможно манифестировать в следующем определении безличности: грамматикализованное выражение в ЯКМ явлений действительности как стихийных, самопроизвольных. И если сказуемое двусоставного предложения обозначает модально-временной признак его носителя – подлежащего, то грамматическая семантика главного члена (ГЧ) БП призвана выразить стихийный модально-временной процесс (*светает*), инактивную бытийность (*недостаёт*), инволютивное состояние (*нездоровится*) и другие самопроизвольные явления.

Схемная семантика БП складывается из четырех составляющих: 1) семантики синтаксической позиции ГЧ БП, предписывающей высказыванию репрезентировать стихийный инволютивный модально-временной процесс безотносительно к прямому предмету мысли; 2) лексической семантики предикатного слова, конкретизирующей качественные особенности этого процесса; 3) семантики дистрибуции ГЧ БП (в том числе и нулевой), которая определяется семантической валентностью и синтагматическими потенциями предиката; 4) субъективного фактора (негация, модальность, квантитативность, а также метафоризация или метонимизация). Рассмотрим это на следующем примере: - *Э, голубчик! обманывай других этим; будет еще тебе от заседателя за то, чтобы не пугал чертовщиною людей* (Н.Гоголь).

1-я составляющая. Семантика позиции: инволютивный процесс безотносительно к активному субъекту. Сравним: *будет взбучка (выволочка/ нагоняй...)*. Субъект действия представлен как пациент, актант объектного типа, лицо, подвергающееся воздействию.

2-я составляющая. Лексическая семантика глагольного предиката – экзистенциальность, что очень характерно для БП.

3-я составляющая. Семантика дистрибуции настраивает значение отношения (два участника ситуации) на значение физического воздействия (обязательна позиция каузатива – заполненная или нулевая).

4-я составляющая. Употребление безличной формы глагола в метафорическом значении (ср.: *будет = достанется, влетит*) с фразеологизацией.

Наложение данного высказывания на эталонную семантическую схему БП <таково произойдет> (парадигматический вариант исходной схемы <таково происходит> на модально-временной оси) показывает: частная семантика конкретной конструкции много богаче, шире отвлеченного образца и семантики исходного БП. На значение инволютивно представленного процесса накладывается метафорически переосмысленное значение физического воздействия одного участника ситуации на другого как рокового, фатального, неизбежного. Так видоизменяется семантическое пространство предложения, включающего и объективные, и субъективные смыслы.

У глагольной (базовой, исходной для БП) группы самый обширный семантический диапазон: 1) impersonalia meteorologica (*моросит, темнеет, затучивается*); 2) стихийные явления и процессы в природе и среде (*Скрипело, свистало и выло в лесу*. Н.Заболоцкий); 3) самопроизвольные веяния, ощущения (*От подстеленного одеяла пахло нафталином*. В.Вересаев); 4) самопроизвольные процессы в организме человека (*В груди щемит*); 5) интеллектуальные восприятия (*Здесь пахнет лихоедейством*. А.Арканов); 6) неконтролируемые эмоции (*Меня так и проняло страхом*. Н.Гоголь); 7) действия неназванной силы и стихийные процессы с нанесением ущерба (*Поезд их разбомбило по дороге*. В.Войнович) и другие. Список не считаем закрытым. Такие объединения формируют функционально-семантические микрополя внутри общего поля безличности в русской ЯКМ (о безличности как поле в наших работах [13; 14 и др.]).

Модель БП V_{ГЗ} с идеальным приспособлением к ней безличной формы глагола в процессе развития языка, его интеллектуализации и национально-культурной спецификации стала расширять свои функционально-семантические возможности, вовлекая в орбиту своего действия не только глагольные словоформы, но и формы слов других знаменательных и даже незнаменательных (вспомним бытовавшие в произведениях XVIII в. БП, передававшие эмоциональное состояние субъекта: *Увы мне! Ах сердцу моему!*) частей речи. Одновременно обогащалась и содержательно-информативная база БП: они стали активно использоваться для передачи различных стальных состояний природы (*ветрено, туманно*), среды (*угарно, неуютно*), человека (*Ему больно/невтерпез*), социума (*многолюдно, нестабильно*), состояний как результата чьей-то деятельности (*натоплено, убрано*), модально-оценочных отношений к действительности (*Сюда нельзя! С вами можно в разведку; Потерянного времени жаль*) и проч.

Множество примеров отражает безличное «отрицательное» состояние субъекта или среды, связанное с волнением, дискомфортом и другими проявлениями «неположительных» эмоций и чувств, например: - *И потом... мне сейчас не до шуток* (А.Алексин); *После громадной пустой залы с колоннами мне было как-то не по себе в этом небольшом уютном доме* (А.Чехов); *А станет невмочь – прибегай* (В.Распутин) и др.

Таким образом, одновременно с развитием модели расширялось как семантическое пространство ГЧ БП, так и способы его представления. При этом значение состояния природы, среды и человека раздвигает свои границы за пределы качественности, обретая оттенки способа действия, интеллектуальной оценки поведения, меры и степени проявления модальности и др. Субъективность оценки состояния нередко граничит с нелитературной (разговорной) формой предикативного компонента в БП, например: *Не время для ссор* (В.Астафьев); *Ей не сахар со мной* (А.Чехов); *В семье не без урода* (пословица); *У них ведь не по-вашему, строго* (П.Бажов).

Позицию ГЧ БП могут занимать эквиваленты фразеологического типа: *Мне все равно; От господского дома до завода рукой подать* (Д.Мамин-Сибиряк); *А чеченцам хоть бы что...* (Т.Толстая); *Неужели между мужчинами и женщинами – как на вечной войне?* А.Солженицын). Более того, к ней могут приспособиться целые предикативные единицы: *Стало мне так, будто все дороги на свете в один конец сошлись...* (М.Пришвин).

Результаты нашего исследования подтверждают логико-грамматическую природу КБ, ее полевое устройство, показывают не только значительный объем и структурно-семантическое многообразие единиц поля безличности в русской языковой картине мира, но и перспективы развития и расширения этого поля как в его ядерном сегменте (глагольные предикаты), так и на периферии (неглагольные заместители позиции ГЧ БП).

Источники и литература:

1. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А.Серебрянников и др. – М. : Наука, 1988.
2. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М., 2004.
3. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000.
4. Захарова М. В. Безличные предложения в концептосфере русского языка / М. В. Захарова // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации : X Междунар. конф. по функц-ой линг-ке. – Симферополь, 2003.

5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русское слово, 1996.
6. Тарланов З. К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия / З. К. Тарланов // НДВШ. Филол. науки. – 1998. – № 5-6.
7. Лушай В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности : интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Лушай. – Донецк, 2010.
8. Дручинина Г. П. Предложения с локативным субъектом / Г. П. Дручинина // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М., 2002.
9. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959.
10. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – Т. II-III.
11. Выгорбина А. Е. Предложения со сказуемым, выраженным «собственно-безличным» глаголом / А. Е. Выгорбина // НДВШ. Фил. Науки. – 1960. – № 2.
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
13. Курмакаева Н. П. Безличность как поле : центр и периферия / Н. П. Курмакаева // Русский язык : исторические судьбы и современность : IV Междунар. конгресс исслед-ей русского языка (г. Москва, МГУ, 20-23 марта 2010 г.). – М., 2010.
14. Курмакаева Н. П. Поле безличности: модель и направления развития / Н. П. Курмакаева // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : V Междунар. науч. конф. – Днепропетровск, 2011.

Литвин О.В.

УДК 811.161.1:81'42

ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНОЧНОСТИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В качестве основных функций СМИ традиционно рассматривают информативную функцию и функцию воздействия, которые находятся между собой в тесной взаимосвязи, так как влияют на общественное мнение и формируют его посредством языка. Это влияние опирается на словесную информацию об актуальных событиях, фактах и явлениях реальной действительности – социальной, политической, экономической, культурной, научной и т.п. Сообщая читателям подобную информацию, являющуюся социальной значимой, журналист «непрерывно дает этому идейную, политическую трактовку, эмоционально-экспрессивную (реже рационалистическую) оценку, с тем, чтобы максимально эффективно воздействовать на адресата текста, на его миропонимание, сознание, настроение... [1, с. 115].

Появление оценочных элементов коннотаций у инноваций в процессе их функционирования в СМИ можно рассматривать как процесс когнитивный, связанный с познанием человеком нового явления действительности и формированием определенного субъективного мнения об этом явлении, его полезности, ценности, вредности и т.д. в соответствии с нормой, неким социальным стандартом, определяющим и задающим параметры самой оценки. И здесь возникает необходимость разграничивать понятия «оценочность» как языковую категорию и экстралингвистическую «оценку». Оценочность пронизывает язык как систему на всех его уровнях, но в большей степени проявляется на лексико-семантическом ярусе. Оценочность – это языковая категория, оценка же относится к разряду собственно логических категорий, поскольку изначально «задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности» [2, с. 5]. Оценка представляет собой мыслительный акт, осуществляемый в процессе познавательной деятельности, и детерминирован не первичным (онтологическим), а вторичным (субъективным) членением мира. В его основе «лежат не реальные свойства предметов и явлений, а лишь наши субъективные от них впечатления, наши эмоциональные реакции на них и умственные заключения об их роли в нашей жизни» [3, с. 56]. Таким образом, мы рассматриваем оценку как мыслительный процесс, сопровождающий становление значений отдельных новых слов и являющийся особым типом умозаключения, с помощью которого из формирующихся знаний о свойствах новых предметов или явлений путем логической операции сравнения рождаются знания о соответствии или несоответствии определенной норме и, следовательно, об их ценности или неценности. Подобная экстралингвистическая оценка формирует оценочные элементы коннотаций лексем, в нашем случае – неонимаций. В исследуемом нами материале преобладающей является социальная оценка, которая предполагает соотнесенность освещаемой реальности с социальными интересами и целями и находит свое выражение в функционировании языковых единиц всех уровней. В нашем исследовании социальная оценка рассматривается применительно к лексическому и словообразовательному уровню языка. Критерием отнесенности нового слова к социально оценочной лексике служит его способность выражать оценку. Мы рассматриваем оценочный элемент коннотации в качестве основного, так как считаем, что он в большей степени характерен для СМИ в соответствии с их функциями и предназначением.

В нашей работе мы придерживаемся традиционного понимания коннотации (Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, В. А. Булдаков, И. А. Стернин), согласно которой оценочный компонент, под которым понимается «одобрительная или неодобрительная оценка, заключенная в значении слова» [4, с. 99], входит в структуру коннотации. Обусловлено это главным образом тем, что коннотация отражает не признаки